

Краевед И. М. Дуров и его «Словарь живого поморского языка»

Самые ранние фольклорные коллекции, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН, были собраны еще до создания Института языка, литературы и истории (1931 г.).¹ Среди них – записи фольклорных произведений из сел Беломорья краеведа Ивана Матвеевича Дурова, его жены Веры Петровны и местных краеведов, работавших в составе краеведческих ячеек. Основная часть этих материалов была собрана И. М. Дуровым – энтузиастом изучения народной культуры Поморья. С 1934 г. исследователь сотрудничал с Карельским научно-исследовательским институтом (КНИИ) (ныне Институтом языка, литературы и истории КарНЦ РАН), в Научном архиве сохранились материалы, которые он сдавал на хранение, и документы: автобиография, личный листок по учету кадров, переписка с руководством института и его сотрудниками. Об этом исследователе до последнего времени было мало что известно. Жизни и научной деятельности И. М. Дурова посвящены публикации С. М. Лойтер, среди которых наиболее обстоятельной является статья в журнале «Живая старина».² В ней говорится о большом вкладе поморского краеведа в дело собирания и изучения фольклора, приводится обзор его публикаций этнографического характера и записи детских игр – материал редкий и очень ценный.

И. М. Дуров родился 12 (25 н.ст.) июня 1894 года в с. Сумпосад Сорокского (ныне Беломорского) района. В личном листке учета кадров³ указаны следующие биографические сведения: получил семилетнее образование в Сумском высшем училище (1903–1910 гг.), в 1912 г. в течение девяти месяцев обучался заочно на курсах «Гимназия на дому» и в 1913 г. закончил восьмимесячные курсы «Самообразование». Отец был морским штурманом-рыбаком. Иван Матвеевич не стал продолжателем дела отца, с 1914 года он работал счетоводом в своем родном селе, одновременно занимаясь литературно-краеведческой работой, которая влекла его с юных лет.

Фольклорные записи – это далеко не все, что сделал И. М. Дуров за свою короткую жизнь. В архиве Карельского научного центра хранится рукопись «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» – главный труд И. М. Дурова.⁴ Он сохранился, несмотря на то, что его автор был репрессирован. Рукопись пролежала в архиве семьдесят лет, практически неизвестная нескольким поколениям ученых. Вместе с коллекциями этот труд является огромным вкладом поморского краеведа И. М. Дурова в дело сохранения памятников языка и фольклора Поморья.

В архиве КарНЦ РАН сохранились документы, дающие возможность восстановить историю создания словаря. В письме, направленном в Карельский научно-исследовательский институт (1934 г.),⁵ Иван Матвеевич сообщает, что в 1912 г. он начал сбор словарного материала, заполняя программу Академии наук 1900 года издания. Иван Матвеевич состоял в Поморском отделении Общества изучения Русского Севера, по инициативе которого он и стал заниматься сбором языковедческого материала. С 1913 года начался повседневный труд над словарем, продолжавшийся двадцать лет. Судя по высказыванию И. М. Дурова, вначале он стал составлять словарь говора Сумского Посада. Затем масштаб работы расширился, и исследователь стал пополнять словарь материалами, которые он собирал в селах Сорокско-Кемского побережья, от с. Поньгома до с. Ньюча включительно. Все это время не прекращалась собирательская работа, запись и фольклорных произведений, и словарного материала. И. М. Дуров осуществлял и организационную работу, участвовал в создании ячеек краеведения при колхозах и школах в Сорокском районе.⁶

В 1929 г. Дурову удалось издать часть своих словарных материалов в отдельной книге под названием «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья».⁷ Словарь был небольшого объема, 180 страниц. Он вышел под редакцией Н. Н. Виноградова, находившегося тогда на Соловках. С 1928 по 1932 г. Виноградов был секретарем Соловецкого Общества краеведения.⁸

¹ Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН). Автореферат дисс. На соискание уч. степени канд. филологических наук. Петрозаводск, 2006. С. 9.

² Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров и его коллекция поморских детских игр // Живая старина. 2005, № 1.

³ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее: НА КарНЦ), ф. 1, оп. 26, д. 56.

⁴ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, сд. хр. 181–188.

⁵ Письмо И. М. Дурова в КНИИ от 15.12.1934 г. НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 189, л. 2.

⁶ И. М. Дуров. Заявление председателю Областного бюро краеведения. НА КарНЦ, ф. 1, оп. 26, д. 56, л. 3.

⁷ И. М. Дуров. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. Н. Виноградова. О. Соловки, 1929.

⁸ Марковская Е. В. Николай Николаевич Виноградов как сотрудник карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.) // Рябининские чтения – 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 353.

17 января 1934 г. Карельский научно-исследовательский Институт заключил с И. М. Дуровым договор,⁹ по которому Иван Матвеевич должен был завершить работу над словарем в течение полугода и представить рукопись с вводной статьей и описанием особенностей поморского диалекта. Институт в свою очередь брал на себя обязательство издать словарь, а на время подготовки выплачивать Дурову в течение этого срока зарплату. Договор был подписан зам. директора С. Макарьевым, впоследствии репрессированным, как и И. М. Дуров.

С 1934 г. Иван Матвеевич вел с Институтом переписку и сдавал на хранение собиравшиеся с 1910 г. поморскими краеведами и им самим фольклорно-этнографические материалы. В одном из архивных дел хранится переписка И. М. Дурова с руководителем этнографо-лингвистической секции КНИИ А. Н. Нечаевым. Закончив работу над словарем, Иван Матвеевич представил рукопись в Институт. Завязалась долгая переписка по поводу издания словаря и фольклорных записей. По письмам видно, как изменялось отношение Дурова к руководству института. По-видимому, условия заключенного договора не выполнялись, его труд не был оплачен, а жить ему было не на что. Дуров страстно желал заниматься научным трудом, но в условиях сельской жизни это было невозможно.

Иван Матвеевич переписывался с А. М. Линевским, в одном из писем он говорит: «Я, Александр Михайлович, не смею мечтать о том, что я когда-либо буду получать регулярно деньги на жизнь – сидеть и писать. Нет, я такими мечтами никогда не задавался, а лишь горел желанием передать на пользу науки и грядущему поколению все то, что знаю, что имею о своем горячо любимом Поморье. А о том, что я знаю свой край, не хвастаю, и знаю точно его... жизнь ... во всех ее многогранных особенностях. <...> У меня одна просьба к Вам, Александр Михайлович, если сумеете как помочь мне, так помогите. Видите, я до чего дошел... Мне стыдно и в то же время горько так клянчить!.. Но иного сейчас в данный период времени у меня выхода нет – сижу между двух стульев обескураженный. И больше не знаю, к кому и обращаться. И если это ничто последнее не поможет, махну на все рукой и продам свой труд куда-либо в "канцелярию". А все, что у меня творческого, продам забвению».¹⁰

За двадцать лет И. М. Дурову удалось собрать 12090 слов в селах Поморья; кроме того, была привлечена литература, а также статьи и заметки из разных изданий. В рукопись включен и материал его словаря по рыболовному промыслу.

«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» состоит из 8 томов, 5 из них формата школьной тетради и 3 тома обычного формата писчей бумаги А-4. Всего в них подшито 1935 листов, заполненных с одной стороны. Записи производились автором словаря от руки фиолетовыми чернилами на листах школьных тетрадей в клетку и в линейку, на листах серой писчей бумаги, на обратной стороне канцелярских бланков 1910 года. Словарь не был перепечатан, существовал в единственном экземпляре, копии не имелось.

Структура «Словаря» следующая: первый том полностью состоит из очерков, написанных И. М. Дуровым, о географии, истории края, народонаселении, особенностях быта поморов. Автором было проведено целое лингвистическое исследование, дана общая характеристика говора, сделана попытка рассмотреть его фонетику, морфологию и синтаксис. Со второго тома начинаются словарные статьи. В нем отсутствуют первые 20 листов, он начинается с 21-го листа, статьи на букву «а» утрачены.

Предшественниками И. М. Дурова являются А. О. Подвысоцкий, автор словаря Архангельского наречия и Г. И. Куликовский, автор словаря областного Олонекского наречия.¹¹ Сам Иван Матвеевич признавался, что в своей работе при сборе материала он ориентировался на словарь А. Подвысоцкого.¹²

Словарь И. М. Дурова по своей структуре отличается от этих словарей. Одно из главных отличий – в том, что в первом томе рукописи даются очерки, в двух вышеуказанных словарях подобных очерков нет. Объем словаря И. М. Дурова составляет 12090 слов. В словаре А. Подвысоцкого не указано количество слов, можно примерно судить по страницам, их 197, а в рассматриваемой рукописи, как уже упоминалось, 1935 листов. Даже учитывая, что рукописный текст занимает гораздо больше места, чем печатный, можно говорить о том, что труд И. М. Дурова значительно больше по объему. Словарь Г. Куликовского не может конкурировать с указанными работами, в нем всего 148 страниц, текст напечатан только с одной стороны. Словарные статьи по структуре примерно одинаковые, но в словаре И. М. Дурова даются еще варианты окончания слов. По содержанию его словарь заметно отличается глубоким знанием поморского говора, толкованием не только слов, но и словосочетаний, устойчивых выражений, обилием примеров из живой речи, развернутым описанием обрядов, поверий, особо значимых народных терминов.

Следует обратить внимание, что названия словарей А. Подвысоцкого и Г. Куликовского почти одинаковы, отличаются только названия областных наречий – одно Архангельское, другое Олонекское. И. М. Дуров назвал свой труд словарем «живого поморского языка». Что это значит, можно понять из статей, в которых дается толкование слов. Оно далеко не всегда соответствует общепринятому толкованию. Например, слово «борода», имеет 4 значения, и самое первое – это вовсе не волосистой покров на нижней части лица, а «старый,

⁹ НА Кар НЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 189, л. 1.

¹⁰ НА Кар НЦ, ф. 1, оп. 32, д. 189, л. 30.

¹¹ Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и составил А. Подвысоцкий. СПб., 1885; Словарь областного Олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Герман Куликовский. СПб., 1898.

¹² НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 189, л. 2.

выветрившийся от времени мох, покрывающий сосны и ели. При холостых салютных выстрелах из дробового ружья этот мох служит прекрасной заменой пыжей. Второе значение – пучок волокнистого вещества (шерсть, лен, конопля), предназначенный для прядения. Третье – термин, выражающий конец сенокоса: говорится «борода завита» на этот год, что означает, сенокос закончен. Четвертое толкование начинается с поговорки: «Выросла голова, дак будет и борода», то есть, стал взрослым, так будет и самостоятельным хозяином и наоборот, «Борода повзросла, а ума не вынесла» и далее «Житье вести – не бородой трясти» – о ленивом большаке семьи. «С бородой мужчина – картина, а без бороды – скотина» и т. д.¹³

Особую ценность работе И. М. Дурова придает то, что автор собирал свой материал в четко очерченном районе Поморья, в котором по его определению, сохранился местный говор. Были обследованы Шуерецкое, Сорока (современный Беломорск), Выгостров и Шижня (еще не затронутые строительством Беломорско-Балтийского канала), Сухое, Вирма, Сумский Посад, Колежма, Нюхча. В них на то время, когда И. М. Дуров собирал свой материал, еще не было «пришлого населения», сохранялись местный говор и традиции культуры. В поле зрения не вошли рыбацкие поселения (Юкково и Сань-наволок), а также лесозаводы и железнодорожные поселки Сороки, Шуерецкого и Кеми, поскольку они населены «пришлыми людьми».¹⁴

Если в словарях литературного языка в качестве иллюстраций используются примеры из литературных произведений, то словари областных наречий, как правило, иллюстрируются примерами из живой речи и фольклора. В этом плане фольклор является неопределимым источником для составителя словаря. И. М. Дуров, будучи сам «носителем» поморского говора и знатоком местного фольклора, совершенно свободно пользовался всем арсеналом своих знаний. Одно из главных отличий его словаря от словарей, изданных в конце XIX века, состоит в том, что в нем чрезвычайно широко используется фольклор Поморья.

Даже при предварительном знакомстве со статьями видно, что фольклор приводится в качестве иллюстраций довольно часто. Словарь включает целое собрание различных жанров устного народного творчества как в их полном виде, так и в отрывках. Так, мы найдем здесь малые жанры, отрывки из фольклорных произведений, а иногда целые произведения. Доминирующее место в словаре И. М. Дурова принадлежит пословицам и поговоркам, много загадок, примет, песен, частушек, детского фольклора, эпических произведений и т. д.

В статьях содержатся чрезвычайно ценные сведения о бытовании жанров, этнографические описания. Весьма ценными являются те статьи, в которых приводится обрядовый или ситуативный контекст исполнения того или иного произведения. К таким статьям относится, например, *вечерина (вечерина)*, в которой дается описание нескольких видов поморских вечеринок, а также песен, исполнявшихся на них. Так, о свадебной вечеринке И. М. Дуров пишет: «...начинается угощение под песни специально приглашаемых на вечеринку песенниц. Песни поются каждому из присутствующих гостей – женатым и холостым, мужчинам и женщинам, за что они песенницам по окончании песни платят деньги – кто сколько даст. Начиная с жениха, поют ему «Чарочку», тысяцкому – «По сеням было по сенечкам» и всем остальным женатым «Судном по морю», а холостым «Во тереме девица сидит». Заканчивается вечеринка «утушкой» под хоровые свадебные песни».¹⁵

В словаре приводятся тексты заговоров. Например, в статье *ура́з снять* дается следующее толкование: заговорить заклинанием боль в теле от ушиба или пореза. Далее идет описание действий с ножом, которые производятся во время чтения заговора и приводится сам заговор.¹⁶ Дуров, прекрасно владея материалом, дает весь поморский рыбацкий календарь, описания праздников и соответствие их видам рыбного промысла.

В восьмом, последнем томе словаря имеются записи на обратной стороне последних 38-ми листов. Оказалось, что И. М. Дуров использовал уже заполненные с одной стороны листы, озаглавленные: «Образцы народных говоров Кемского Поморья Архангельской губ.». Иван Матвеевич, по-видимому, планировал не только составление словаря, но и издание произведений поморского фольклора в качестве образцов речи. Тексты фольклорных произведений приводятся в фонетической записи. В самом начале своей вступительной статьи он писал, что представляет здесь песни, стихи, былины, рассказы и легенды, «... так как этот материал, хорошо отражая диалектические черты известной местности, в то же время интересен и для истории русской словесности».¹⁷ Далее он отмечал, что старинные песни, стихи и былины все реже встречаются в поморских селах, но еще есть женщины, которые могут исполнить до тридцати песен в полном виде, смысл которых не искажен. Можно от них записать также несколько былин, стихов и большое количество сказок и легенд, но народная поэзия стала вытесняться частушками и современными песнями. В первую группу произведений он включил песни, их в указанном томе всего 23. Кроме того, на этих листах записана былина «Дунай», озаглавленная «Сказанье про Дуная богатыря и про короля Кляховимского» и баллада «Дмитрий и Домна», названная «Сказанье про князя Дмитрия». Оба текста зафиксированы во всей полноте, но точной паспортизации не имеют, хотя И. М. Дуров замечает, что он записал эти «сказания» со слов сумских и сорокских (беломорских) старожилов.¹⁸ К сожалению, подборка произведений фольклора, которые должны были послужить образцами речи,

¹³ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. ИА Кар НЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 182, лл. 116–117.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 181, л. 4.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 182, л. 246.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 188, л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 108 об.

¹⁸ Там же. Л. 117 об.

была самым автором расформирована, для него, по-видимому, было очень важно закончить именно словарь, поэтому из-за нехватки бумаги он решил использовать обратную сторону листов уже готовой рукописи.

В словаре приводится немало слов финно-угорского происхождения. И. М. Дуров отмечает это явление, анализирует причины, по которым лексика поморов пополнилась этими словами. Одна из них – межнациональные контакты, обусловленные географическим положением края: с севера и северо-запада он окружен карельским населением. И. М. Дуров учитывает и такие исторические факты как завоевание Поморья шведами, затем владение этим краем карелами и последующее вытеснение карелов новгородской колонизацией. По его наблюдениям, топонимика говорит о том, что первыми жителями Поморья были саамские (лопарские) племена, вытесненные впоследствии финнами. Об этом свидетельствуют такие названия древних урочищ, озер, гор и прибрежных островов на Белом море как Тайбола, Кок-ручей, Сар-ручей, Яванд-ручей, Чупор-гора, Перт-озеро, Гап-наволок, Сум-остров, Габ-озеро, Рух-ламба, Керко-ручей, Куз-остров, Тоб-ручей, Ревеж-гора, Майдо-ручей, Вегаракша, Рег-остров и многие другие.

В лексике отмечаются следующие финно-угорские слова, например:

Ню'гайдать – гнусавить, говорить невнятно. (*Nuhnoi* – кар. мямля; гнусавый).¹⁹

Ню'рики (слово карельское) – сшитые из кожи без накладных подошв и каблуков летние сапоги; удобная и весьма легкая обувь для хождения по лесам и болотам в летнее время. Незаменимая обувь у карела.

Ня'ша – Дуров отмечает, что это слово финское – тина, болото, трясины. (*Näskkä* – кар. чавкать, хлопать – о грязи, о воде).

Ли'нда (лопарское) – 1. Жидкая, заправляемая мукою похлебка из рыбы; жидкая разварившаяся каша. 2. О человеке в насмешку: длинный, тончавый, длинноногий и длиннорукий; слабого телосложения.

Лох – название семги после нереста. (*Lohi* – кар. лосось).

Ля'бзать – переговаривать, передавая слышанное, пересказывать, заниматься сплетнями. (*Läbžöttiä* – кар. мять, толочь, раздавливать).

Маймуха – маленькая рыбка-малек по строению кости и формой сходная с навагою и треской; не имеет чешуи; обитает исключительно в пресной речной воде в реках Нюхча, Руйга и Колежма. (*Maimu* – кар. 1. Сушеная мелкая рыба, сущик. 2. Мелкая рыбешка).

Малтать (слово карельское) – понимать, разуместь. Я малтаю, что ты говоришь.

О прибалтийско-финском влиянии говорит и ударение, во многих словах сохраняющееся на первом слоге. Примеры: *ручѐй, нѐтолок, спѐйна, кѐпаньѐ, плѐваньѐ, зѐпечьѐ, бѐсой, гѐстой, дрѐгой, плѐхой, прѐдет* и другие.

Труд И. М. Дурова включает ценнейший лингвистический, фольклорный, этнографический, исторический материалы. Еще большую ценность он приобрел в настоящее время, когда в силу многих причин происходит постепенное исчезновение местного говора. «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова представляет большой интерес как памятник языка, его издание является настоящей задачей для настоящего времени.

¹⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.